

Walentyn N. Wandyszew

Narodowy Agramy Uniwersytet w Sumach
(Ukraina)

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА: ИГНОРИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ КАК СТРЕМЛЕНИЕ ВЛАДСТВОВАТЬ

Contemporary Political Rhetoric: Ignoring the Meanings as the Desire to Dominate

Współczesna retoryka polityczna: ignorowanie znaczenia jako pragnienie dominacji

Słowa kluczowe: retoryka polityczna, władze bankowe i ekonomiczne, polityka, znaczenia, siła komunikacji, siła korporacji, władza konceptualna, protesty, rewolucja.

Key words: political rhetoric, banking and economic power, politic, meanings, power, communication, corporative power, conceptual power, protest actions, revolution.

S t r e s z c z e n i e

Retoryka polityczna jako środek wpływania na masy leży u podstaw właściwie każdej organizacji politycznej – niezależnie od przydzielonych jej zadań. Bieżąca sytuacja ukazuje obecne na świecie sprzeczności objawiające się w masowych akcjach protestacyjnych. Przyczyną tych konfrontacji są olbrzymie nierówności w podziale środków oraz zdolności finansowych. Wobec nadmiernego bogactwa nielicznych niepokoi sytuacja milionów biednych ludzi, stąd też retoryczne osobliwości w polityce są typowe dla apologetów dominujących sił w krajach o odmiennych systemach politycznych. Szczególnie dobrze to widać w retoryce graczy politycznych podczas kampanii wyborczych. Kładą oni nacisk na problemy, których nie uważają za najważniejsze, ale traktują oportunistycznie. Choć krytykują władzę polityczną jako całość, to nie podejmują kwestii re-

A b s t r a c t

Political rhetoric as a means of influencing the masses lies at the core of practically every political organization, regardless of the assigned tasks.

The situation today shows the contradictions in the world, manifested in mass protest actions. The reason for confrontation – an enormous inequality in the distribution of resources and financial capacity among humans. Against excessive wealth alarming is the situation of many hundreds of millions of poor people. Hence, political rhetoric peculiarities, which are characteristic for apologists dominant power in countries with different political regimes. Particularly clearly visible are the rhetoric of political players during the election campaign. Emphasis on something they do not explicitly paramount, but opportunistic. Criticism do not avoid of political power, in its entirety, but in

formowania uprawnień banków w sektorze korporacyjnym, zniesienia monopolu państwowego na pobór podatków czy tajemnicy bankowej oraz walki z korupcją. Co prawda mówi się o zmianie zapisów konstytucyjnych, ale w odległej przyszłości. Nie wspomina się natomiast o potrzebie stworzenia nowego systemu infrastruktury społecznej.

Przedstawiciele władzy konceptualnej w zaciszu swoich gabinetów tworzą nowe koncepcje i znaczenia, nowe marki, udzielają rekomendacji władzom politycznym, ekonomicznym i bankowym, tworzą „idoli teatru”. Ponieważ nie przyznają się do wzrostu ich wiarygodności, niechętnie mówią o sile informacji i komunikacji wykorzystywanej przez ideologię. W tle rzeczywistych problemów i pomijanych treści pojawia się coraz bardziej dojmująca potrzeba nowego, o wiele bardziej otwartego świata, podstawowych koncepcji i pojęć, które kiełkują w umysłach myślącej części rodzaju ludzkiego. Trzeba na to jednak jeszcze poczekać w obliczu retoryki jako zjawiska masowego.

their speeches is no question of reforming corporate banking authorities, the abolition of the state monopoly on the collection of taxes, bank secrecy, providing survivability corruption. If talking about constitutional reform legislation in the distant future. Do not talk about the need to create a new system of social infrastructure of society.

Topics are closed conceptual power, whose representatives in quiet offices create new ideas and meanings, new brands, make recommendations political and banking and economic power, are at the origin of the adoption of new regulations form the “idols of the theater”. Did not cause the speakers authorities reluctantly speak about the power of information and communication, its hosts and ideology.

On the background of the existing problems and omissions of material becomes more acute need for a new much more open world, the basic ideas and meanings which germinate in the minds of the thinking part of mankind. But while this rhetoric, as a mass phenomenon, not yet.

История развития общества многократно свидетельствовала о том, что политика и риторика тесно взаимосвязаны. Такая взаимосвязь просматривается в любом социальном действии, что творчески подметили еще софисты и практически использовали.

Политическая риторика как средство воздействия на общество лежит в основе деятельности практически каждой политической организации. Другое дело, какую задачу призвана решать она в конкретных исторических условиях, какой ее основной вопрос.

Основной вопрос современной политической риторики определяется политическими силами, исходя из сложившейся социально-экономической ситуации. Понятно, что ситуация объективно общая для всех в каждой конкретной стране, но акценты в определении ее каждая политическая сила и каждая социальная группа делают, исходя из своих интересов. В свое время на философском конгрессе в Стамбуле Юрген Хабермас размышлял о проблеме „когнитивного диссонанса между универсальным призывом к национальной миссии и партикулярной природой фактически существующих интересов”¹, видя в ней основной политический вопрос современности. И речь в его выступлении шла о переходе к постнациональному контексту общественной жизни.

¹ Ю. Хабермас, *Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному контексту*, „Вопросы философии” 2004, № 2, с. 12–18.

Если же посмотреть на ситуацию сегодняшнего дня, то в ней можно увидеть нарастание всеобщего противостояния, проявляющегося в массовых протестных акциях. Краеугольный камень противостояния – колоссальная неравномерность в распределении ресурсов, и прежде всего, финансовых возможностей между людьми. На фоне примерно полутора тысяч миллиардеров и около одиннадцати миллионов миллионеров, насчитываемых в мире в 2013 г., весьма тревожно выглядит ситуация многих сотен миллионов бедняков. Как отмечают в Международной организации кредиторов, по состоянию на начало 2012 г. число бедняков на планете увеличивалось в четыре раза быстрее, чем количество богатых². Исследование было приурочено к очередному экономическому форуму в Давосе.

Отсюда и особенности политической риторики, характерные для апологетов господствующей силы в демократических странах. Естественно, иные понятия фигурируют в качестве ключевых в политической риторике в странах, властные силы в которых лишь прикрываются демократическими лозунгами, при этом всячески ограничивая свободу слова и волеизъявление своих граждан, например, «подправляя», а то и прямо фальсифицируя результаты выборов. И уж совсем другие смыслы скрыты за политической риторикой в странах, попавших во власть явно антидемократических, а то и тоталитарных или диктаторских политических режимов.

Исходя из того, что мы определили как краеугольный камень современной социально-экономической ситуации в глобальном информационном мире, любопытно взглянуть на риторику политических игроков, которые управляют карнавалом человеческой жизни. Особенно выпукло эта риторика выглядит во времена предвыборных кампаний. Можно привести несколько примеров.

Вот основные положения предвыборных обещаний Никола Саркози (март, 2012): жёстко сократить количество въезжающих в страну иммигрантов; ужесточить требования к тем, кто получает вид на жительство. А в итоге, с одной стороны, эмигранты – это хорошо, а с другой – плохо. А плохо потому, что избиратели так считают. Противник Саркози – лидер Социалистической партии Франсуа Олланда обещал урезать зарплаты чиновников и правительственного аппарата на 30%.

Из многого того, что обещал в предвыборной кампании Виктор Федорович Янукович, отметим существенное для обычного гражданина: повышение пенсий выше прожиточного минимума и пропорционально соответствующему трудовому вкладу; финансирование медицины до 10% ВВП; бизнесменам – снижение налогов; ликвидация льгот для депутатов и высоко-

---

² Число бедняков в мире увеличивалось в четыре раза быстрее, чем богатых, [online] <<http://woc-org.com/research/publications-244>>.

поставленных чиновников. В действительности оказалось, что действующий президент со своим ближайшим окружением имел целью присвоить себе все богатства страны. Осознание значительной частью украинского общества преступно-коррупционного характера власти привело к массовому протестному движению, охватившему Украину в декабре 2013 г. – феврале 2014 г. Результаты сегодня известны всему миру, вызвав сочувствие и поддержку новой власти, с одной стороны, а с другой, – неприятие этой власти и открыто агрессивные действия по отношению к ней и поддерживающим ее силам.

Интересны предвыборные обещания Владимира Владимировича Путина: дееспособное государство; дальнейшее развитие демократии как „механизма участия”; борьба с коррупцией; повышение стипендий; двух-трехкратное повышение зарплат учителям и врачам; увеличение пособий на детей; обеспечение ветеранов квартирами; снижение потребления алкоголя. Здесь также результатом оказалось нечто противоположное: нагнетание в обществе агрессивных настроений по отношению к соседним народам и прямая агрессия по отношению к Украине, выразившаяся, в частности, в отторжении Крыма.

Понятно, что выше приведены только те обещания, которые их авторам представляются имеющими влияние на жизнь всех членов общества. Понятно и то, что смысл, который вкладывает политический оратор в свои слова, далеко не отвечает тому смыслу, который усматривает в них слушатель, т.е. рядовой избиратель. Слушатель воспринимает обещания как безусловные, а кандидат на политическую должность артикулирует их, имея в виду ряд условий, которые он озвучить в этот момент не считает возможным.

Несмотря на то, что политики достаточно критически относятся к существующей политической власти, включающей в себя законодательную, исполнительную и судебную власти, и на словах не против их модернизации, во всех обещаниях победивших президентов мы не встретим нескольких существенных пунктов.

А) Не говорят ни президенты-демократы, ни президенты-квазидемократы, ни президенты с диктаторскими полномочиями о реформировании **корпоративно-банковской власти**, составляющей важный элемент разветвленной реальной власти. Политики готовы говорить об ослаблении налогового бремени, о налоговых каникулах и льготах для каких-то категорий бизнеса на какое-то время, о наказании налоговиков-взяточников, но всячески избегают, а то и прямо пресекают, разговоры на тему упразднения монополии государств на сбор налогов, передачи права собирать и расходовать налоговые средства на местах. Утаиваемые смыслы и здесь очевидны, поскольку таким путем проще побороть коррупцию, которая поддерживается, главным образом, благодаря существованию монополии

государства на сбор налогов и банковской тайны. Вспомним ситуацию с частичным раскрытием тайны счетов в Швейцарии и на Кипре, когда было много противоположных оценок.

В) Не говорят нынешние претенденты на высшую государственную власть, а уж достигшие ее и тем более, о необходимости реформирования **нормативно-правовой власти**, которая устанавливает нормы права (прежде всего – это конституционное законодательство). Понятно, почему не говорят, ибо речь идет о действительных смысловых изменениях, касающихся создания инновационной конституции, формирования новой системы инфраструктуры общества, в частности, социальной. Формирование новой социальной инфраструктуры, жизнеспособной в условиях мирового финансового кризиса, представляется задачей сложной, поскольку она призвана удовлетворять общественные и индивидуальные потребности всех членов общества³.

Инновационная социальная инфраструктура должна обеспечить перераспределение созданной добавленной стоимости в интересах всех граждан государства, должна быть ориентирована на потребности человека. А между тем инвестиции в человеческий капитал с целью его воспроизводства и восстановления все с большими усилиями вынуждены отвоевывать трудящиеся в развитых странах мира, не говоря уже о том, какого накала эта борьба с каждым годом достигает в развивающихся и экономически отсталых странах. Достаточно посмотреть на волну революций, прокатившуюся и продолжающую катиться по странам арабского мира. Процесс

³ См.: С.Г. Важенин, *Социальная инфраструктура национальной экономики*, Дело, Москва 2007; Т.И. Заславская, Э.Н. Крылатых, М.А. Шабанова и др., *Новое поколение деловых людей России. Социальный портрет, карьера, бизнес-образование*, Дело, Москва 2007; Л.Г. Зубова, *Роль общественного мнения в реформировании социальной сферы*, [в:] *Территориальные проблемы социальной политики*, ГУ ВШЭ, Москва 2004; *Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания*, Ассоциация менеджеров, Москва 2008; И.П. Лебедева, *Среднестатистическая японская семья: доходы, расходы, проблемы*, [в:] *Японский опыт для российских реформ*, Институт востоковедения РАН, Москва 2005; В. Мау, *Экономическая реформа сквозь призму конституции и политики*, Ad Marginem, Москва 1999; *Мировая экономика сегодняшнего дня*, под ред. В.К. Ломакина, [online] <<http://exsolver.narod.m/Books/Econom/Lornakin/index.html>>; С.А. Носова, *Апология капитализма и некоторые аспекты буржуазных теорий инфраструктуры*, Экономические науки, Москва 1970; Г.П. Солюс, *Инфраструктура*, [в:] *Экономическая энциклопедия*, Москва 1975; Й.А. Шумпетер, *Теория экономического развития*, Прогресс, Москва 2008; П. Игнатовский, *Экономика и человечность*, „Экономист” 2009, № 2, с. 3–14; Е. Хесин, *Великобритания: социально-экономическая политика*, „Мировая экономика и международные отношения” 2001, № 8, с. 98–108; А. Юсов, *Становление инновационной экономики: гендерный аспект*, „Человек и труд” 2010, № 11, с. 33–35; *The social situation in the European Union 2007*, Eurostat 2008; P. Abell, *On the prospects for a unified social science: economics and sociology*, „Socio-Economic Review” 2008, № 1.

оказался перманентным: победившие не успевают удержаться на вершине политической власти, их сметает волна новых победителей, а прежние попадают под революционный каток, и как результат – казнь или тюрьма. Выходит, что их управленческая идея оказалась несовершенной. Хотя непонятно, сколь долго смогут удержать власть новые, насколько их управление революционными преобразованиями будет „разумнее”.

С) Не привыкли распространяться политики и о тех, кто создает основы **концептуальной власти**. Впрочем, не исключено, что многие из власть предержащих и понятия не имеют о такой власти. Важно, что немногие сведущие в этом деле умеют различать активных представителей концептуальной власти среди массы имиджмейкеров, политтехнологов, комментаторов и аналитиков, хотя они не главные игроки. А ведь именно представители концептуальной власти создают новые идеи и смыслы, новые бренды, дают рекомендации политической и банковско-экономической власти, стоят у истоков принятия новых правовых норм. В свое время Френсис Бэкон именно в этом смысле писал об «идолах театра». Здесь речь идет о власти над обществом самой концепции в форме совокупности идей, выражающих цели жизни общества, пути и средства их достижения, носителем которых осознанно или невольно является само общество, безотносительно к тому, есть ли в обществе концептуально властные люди и сколько их есть. Очевидно, что в подавляющем большинстве своем общество составляют концептуально несостоятельные заложники тех или иных концепций.

Понятно, что список новых концептов, отвечающих духу времени и потребностям общества, влечёт за собой новые жизненные отношения, новое понимание этно-национальных, конфессиональных и аксиологических изменений, возводимых в известной мере в медиа, в ранг априорных характеристик. Список концептуальных персонажей никем и никогда не может быть закрыт, а посему играет важную роль в развитии и переменах как философии, так и в общекультурном пространстве в целом.

В историко-философском смысле концепт как инновационная идея содержит в себе значительный творческий потенциал и креативный смысл. Из исследований сущности и истории концепта, конечно, наиболее фундаментальной является работа Жюль Делёза и Феликса Гваттари⁴. Авторы утверждают: „философия – не просто искусство формировать, изобретать или же изготавливать концепты, ибо концепты – это не обязательно формы, находки или продукты. Точнее будет сказать, что философия – дисциплина, состоящая в творчестве концептов [...] Творить всё новые концепты – таков

---

⁴ Ж. Делёз, Ф. Гваттари, *Что такое философия?*, пер с фр. С.Н. Зенкина, Институт экспериментальной социологии; Алетейя, СПб. 1998, 286 с.

предмет философии. Поскольку концепт должен быть сотворён, он связан с философом как человеком, который обладает им в потенции, у которого есть для этого потенция и мастерство. На это нельзя возражать, что о «творестве» обычно говорят применительно к чувственным вещам и к искусствам, – искусство философа сообщает существование также и умственным сущностям, а философские концепты тоже суть *sensibilia*. Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто”⁵.

Содержание и смысл приведенной выше цитаты позволяет прояснить в значительной мере тот факт, что сам феномен концептотворчества не нов. Уже Фридрих Ницше настаивал на том, философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на них лоск. Напротив, философ должен сам их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться.

В историософском смысле концептуальная власть – это сфера влияния „властителей дум”, это власть людей, способных обнаруживать актуальные проблемы, намечать цели, вырабатывать концепции достижения намеченных целей и внедрять их в процесс управления жизнью общества. В сфере религии такие люди – личности харизматические. История показывает, как осмысленно-целесообразная деятельность всего лишь одного человека может оказывать воздействие на дальнейшее течение событий в глобальных масштабах на протяжении веков и тысячелетий (Моисей, Пифагор, Аристотель, Иисус, Мухаммед).

Д) Есть и еще одна власть, о которой знают, о которой часто говорят как о четвертой власти – это **информационно-коммуникационная власть**, представители которой владеют или контролируют средства массовой информации и Интернет. В этой части и действующая власть, и оппозиционные политики не стесняются в средствах и выражениях, всячески стремясь показать козни и происки противной стороны, хотя дальше привычной критики не идут, называя медиа власти продажными и лживыми.

Несомненно, развитие информационного менеджмента и коммуникационных технологий – одна из главных причин социального и культурного прогресса, хотя распространение информации и достоверных знаний – это не одно и то же. По мере того, как информация становится ключевым товаром новой экономики, а мир тонет в океане хаотических информационных сигналов, все большую ценность приобретает суще-

⁵ Ibidem, с. 14–15.

ственное и эксклюзивное знание, которое может быть почерпнуто из потока информации. Сегодня всесокрушающий информационный поток не структурирован и не отсортирован. Можно предположить, что тревога ученых и исследователей, занятых проблемой систематизации знаний о медиа, в какой-то степени связана с осознанием того, как сделать поток информации источником знаний, а не заблуждений. Иная цель у властных политиков, которые эксплуатируют плюрализм в своекорыстных целях. Видя складывающуюся тенденцию, папа Пий XII еще в 1950 г. заметил: „Не будет преувеличением сказать, что будущее современного общества и стабильность его внутренней жизни зависят в значительной степени от сохранения равновесия между мощью технических средств коммуникации и способностью человека к индивидуальной реакции”⁶.

Но где критерии различения полезной информации от плевел и шелухи, от вводящей в заблуждение пропаганды? В прежние времена аппарат власти, а тоталитарно-деспотический в особенности, ограничивал информацию цензурой. А нынешний аппарат власти, властная верхушка демократии, активно способствует заполнению всех каналов медиа потоками то противоречивой, то попросту бессвязной информации, эффективно добываясь того же результата. На смену одним фактам тут же появляются опровергающие их другие. Этот спектакль для масс призван выглядеть жизнеспособной демократией, являясь по сути сознательной стратегией поддержания контроля над обществом.

Современные медиа используют значительное число экспертов, консультантов и аналитиков, вооруженных настолько большим количеством информации, что институт семьи, воспитание детей, формирование у них трудовых навыков, система образования и прочая и прочая, „аргументировано доказывается” сегодня с противоположных позиций, вызывая у аудитории сомнения и смятение. Таким образом, переизбыток информации и искажение смысла тесно между собой связаны, являясь двуликим Янусом нынешних медиа.

Нынешнее общество – общество информационное, а характерным признаком перехода от капитализма к информационному обществу является общая медиализация. С плюрализацией средств массовой информации, с ростом рекламной индустрии, обращенной к обширной аудитории, средства массовой информации зажили своей собственной жизнью, формируя основание для новой властной структуры, и стали все больше приобретать характеристики парадигмы информационного общества и его правящего класса – нетократии⁷. Поскольку же масс-медиа стремились

⁶ См.: Г.М. Маклюэн, *Понимание медиа. Внешние расширения человека*, Жуковский: „КАНОН–Пресс–Ц”; „Кучково поле”, Москва 2003, с. 26.

⁷ А. Бард, Ян. Зодерквист, *Нетократия*, СПб. 2004, с. 71.

в первую очередь избавиться от давления политиков, избранных народом, то они и сделали этих самых политиков главной мишенью своей атаки, „доказывая”, что в действительности доверие электората к своим избранным незначительно. Так выбранные политики предстали перед избирателем как группа коррумпированных дельцов, устраивающих лишь свое благополучие. У каждого народа своя версия этого мифа: американские политики – это, как правило, неверные мужья; европейских политиков в основном уличают в махинациях с кредитными карточками и уклонении от уплаты налогов; украинских политиков – в присвоении бюджетных средств, во лжи и профессиональной несостоятельности: здесь всегда виновны „предшественники” (укр.: *попередники*).

Постоянно твердя об этом предполагаемом презрении к политикам, медиа произвели на свет медиа-феномен, а общественное мнение попало под влияние стереотипов, сконструированных и сформированных средствами массовой информации. Политики стали производителями, избиратели – потребителями, а сами медиа присвоили себе роль кураторов политической арены, и, таким образом, осуществляют тотальный контроль над политическими процессами в информационном обществе, в полном соответствии с принципами нетократии. Произошло так, что всякий политик теперь не более чем участник постановки, сценарий которой написан в коридорах медиа-империй, при этом недоверие и презрение к политикам есть основная идея этого аттракциона, что хорошо просматривается в политических телешоу на украинских телеканалах.

О влиянии телевидения на формирование общественного мнения можно судить по результатам социологического опроса, проведенного КМИС в конце января 2014 г. Результаты опроса показали, что основными источниками информации являются телевидение – 94%, Интернет – 40%, друзья, соседи, родственники – 42%, местное региональное телевидение – 37%. Общенациональные и массовые региональные печатные издания не дотягивают и до 20%, а тех, кто Интернетом не пользуется – 37%.

Искажение смыслов политиками в средствах массовой информации особенно характерно для стран с относительной свободой слова в условиях слабой демократии, где политикам необходимо хоть изредка объясняться по поводу мотивов своих действий. В этой ситуации очевидно, что чем больше власти, тем больше откровенной лжи, тем больше на словах проговаривается верность принципам и чистота помыслов. Зрители и слушатели воспринимают смысл слов таких политиков на уровне подсознания. Например, когда политик утверждает на бигбордах и провозглашает с экранов телевизоров, что высшими ценностями в Украине есть „единение” (укр.: *соборність*) и „свобода”, а в это время при поддержке властных органов происходят аресты людей и расшатывается целостность государства,

то в сознании реципиента формируется представление о фальсификации смысла слова, происходит девальвация привычных ценностей. Но может так стать, что реально обманывая других, политик обманывается сам, ему кажется, что он это уже делает, он верит в это и обижается, когда его уличают в фальши. Ну, примерно так, как это происходило с Хлестаковым, известным персонажем гоголевского *Ревизора*.

В этом смысле надо отдать должное медиа, хозяева которых и штатные ведущие телевизионных программ успешно воздействуют на умы и сердца значительной части зрительской аудитории, формируют необходимые образы и соответствующие смыслы. Понятно, что коммуникация может продвигать новые смыслы только при отсутствии цензуры. Но нынешние медиа, подвластные творцам новых концептов и смыслов в духе незримых отцов нетократии, уже захватили многие командные высоты общественной жизни. Нынешняя цензура все больше ориентирована не на блокирование какого-то сообщения или содержания, а на продвижение таких сообщений и смыслов, которые лишают потребителя возможности проанализировать действия в банковско-экономической и инфраструктурной сферах общественной жизни.

Остается предположить, что цель этого процесса – служить интересам масс-медиа. Александр Бард и Ян Зодерквист подчеркивают, что те, кто занимает властные позиции внутри медиа-империй, не назначаются народом (интересы которого они беспрестанно отстаивают), в отличие от политиков. Медиа-руководители избираются внутри собственных кругов, тщательно отбираются в дружеских группах и получают задание обслуживать закрытые ложи и гильдии нетократии. В сердцевине самого настоящего кризиса демократии находится нетократическое представление о тайной, невидимой власти⁸.

Таким образом, анализ социально-экономических и политических процессов, происходящих в современном глобализованном информационном мире, показывает достаточно глубокое несоответствие слова и смысла, вызванное стремлением властных структур сохранить свою власть. Современная политическая риторика определенно характеризуется, с одной стороны, стремлением скрыть целый ряд объективных факторов и субъектов власти, реально влияющих на развитие и функционирование государственных и надгосударственных образований, а с другой стороны, убедить граждан в стремлении власти отстаивать в обществе принципы справедливости, свободы и демократии. Но тесная связь политической риторики и политической деятельности обнаруживается в результатах социального действия, которое вызывает в современном мире все больше протестов, демонстраций и актов насилия.

---

⁸ Ibidem, с. 76.

Вся масса протестных действий, происходящих прежде всего по причине господствующей в мире социальной несправедливости в распределении материальных благ, необходимо побуждает активную часть граждан искать пути выхода из существующего положения. Естественно, на этом пути появляются инновационные идеи. Появляется и ощущение того, что новый мир, на приход которого надеются, не будет проще ныне существующего, как нынешний не проще бывшего прежде. Более того, упрощение представлений о новом мире может приводить к человеческим жертвам среди тех, кто поверит в простые рецепты обновления и попробует их осуществить. Очевидно, строительство нового мира должно начинаться внутри человека, в его сознании, в его душе. И таких людей должно быть достаточное количество, чтобы построенный ими духовный мир мог быть воплощен как реальность для других. Этот мир концептуально сложен, его модели нуждаются в глубокой проработке, и они сегодня рождаются внутри какой-то узкой группы общества. Борьба за новый мир – это борьба внутри себя, это борьба со своими устоявшимися стереотипами, предубеждениями и привычкой поверхностно судить о вещах. Ибо по сути новый мир может появиться в ином многомерном пространстве-времени. И жить в новом мире будет интереснее, хотя и сложнее. Какие там будут преобладать ценности, какая мораль – сегодня однозначного ответа нет. Но то, что в этом мире будет риторика жизнеутверждения, а не властных амбиций, что в этом мире слова и смыслы будут однозначно совпадать – это точно. Этот мир будет человеческим, он возможен, если в возможность его уверуют многие, как в своё время уверовали в силу пара, в силу электричества, в силу атома. А все эти силы существенно изменили мир. Осталось уверовать в силу бестелесной идеи и сделать ее материальной силой, возвращающей, наконец, человеку человеческое.

Не могу завершить статью лишь простым упованием, но завершу простой констатацией. Представим, что банковской тайны не станет, банковские счета будут открытыми, – прекратится коррупция. Представим, что налоги будут собираться на местном уровне и основная масса там же расходоваться, – прекратятся ненужные глобальные проекты, финансируемые государствами за деньги налогоплательщиков без их согласия. Справедливость и свобода обретут новые образы, – появятся новые ценности, а с ними и новые концепции бытия. И тогда риторика станет иной, возможно, вернется к своему классическому содержанию, созданному Аристотелем, без агрессии и словесной атаки.